

погрязшего в пороках и более нетерпимого. Это самое неблагоприятное существо на свете. Он заставлял меня целыми часами ждать в карете, пока сам распутничал. На расходы его не хватило бы целого государства. У него сейчас не менее трехсот пар сапог.* На самом же деле Господину Главному наскучила нелепая жизнь, которую вел Король, и, быть может, еще хуже того его ласки. Фабер дал знать обо всем этом Кардиналу. Г-н де Шавиньи, которого тот прислал к Фаберу, не мог поверить собственным ушам. Но это приободрило Кардинала, который, видя, что после всего происшедшего Господин Главный храпит веселый вид, догадался, что его вдохновляет некий большой заговор; то был пресловутый договор с Испанией.

Прежде чем поделиться своими догадками о том, каким образом Кардинал о нем узнал, я расскажу, каково было его решение. Незадолго до этого Кардинал диктовал некий Манифест, рукопись коего впоследствии была сожжена. Он высказал желание удалиться в Прованс, уповая на поддержку графа д'Ала; он надеялся, что его друзья стекнутся к нему. И в самом деле, он уехал, вынудив врачей заявить, что морской воздух ему вреден и он не поправится, ежели только не уедет от него подальше. И вместо того, чтобы отправиться сушею, он поплыл по озеру, чтобы добраться до Тараскона, утверждая, что от покачивания носилок ему становится плохо. Он собирался уже переправиться через Рону, когда ему сказали, что некий курьер, не застав его в Нарбонне, прибыл с пакетом от маршала де Брезе, вице-короля Каталонии; Маршал вкратце сообщал ему, что вблизи побережья потерпело крушение какое-то судно и что на этом судне найден договор Господина Главного — или, вернее, договор Герцога Орлеанского — с Испанией, который он, де Брезе, ему посылает.

Вот какой был пущен слух, но он оказался ложным, как это мы увидим дальше. Поэтому маловероятно то, что о нем говорилось, и легковерны те, кто этому поверил. Кардинал (ежели верить словам Шарпастье, его первого секретаря, которого можно было обмануть, как и любого дру-

* Он поссорился с Королем по собственной вине, и всего за две недели до своего ареста. Это произошло во время разговора, в котором он поспорил о войне с Маршалом де Ламейре. Король сказал Сен-Мару, что ему, который ничего не видел, не пристало спорить с человеком, который знает уже очень давно. «Государь, — ответил Сен-Мар, — когда обладаешь здравым смыслом и знаниями, понятно даже то, чего ты не видел». Хотя Рювильи и уговаривал его, он пренебрег возможностью примириться с Королем; он очень рассчитывал на свой договор с Испанией. Он послал Монмора, родственника Фонтраи, и графу де Брюну, ибо никто не осмеливался из-за де Ларивьера обращаться непосредственно к брату Короля. На его несчастье, г-н де Брюн присутствовал на свадьбе принцессы Бурбонской и г-на де Лотвилля. Это помешало Сен-Мару получить ответ и представило ему время заключить договор с Испанией.

Принцесса Мария обещала выйти замуж за Сен-Мара, когда он займет более высокий пост; это обещание способствовало тому, что у него закружилась голова.

Новый Король, приготовляя варенье, сказал: «Душа Сен-Мара была столь же черна, как дно этой кастрюли».